

• СОДЕРЖАНИЕ •

Александр Руж
ДВЕ СТРОКИ ИЗ ОВИДИЯ

7

Инна Бачинская
СТОЛКНОВЕНИЕ

71

Татьяна Устинова
О СТРАННОСТЯХ ЛЮБВИ

123

Анна и Сергей Литвиновы
ЗАПРЕТНАЯ СТРАСТЬ

128

Евгения Михайлова
КОЛЬКА-МЕНТ

137

Марина Крамер
КИЛЛЕР ВСЛЕПУЮ

175

Дарья Калинина
ЖЕНИХ В НАГРУЗКУ

221

АЛЕКСАНДР РУЖ

• ДВЕ СТРОКИ ИЗ ОВИДИЯ •

Что собой представлял румынский городок Констанца в середине XIX века?

Да ничего особенного.

Бывшая греческая, а потом римская колония, знаменитая тем, что на ее территории скончался сосланный императором Августом поэт Овидий. Бессчетное количество раз она переходила из рук в руки, принадлежала то византийцам, то болгарам, то османам, а ныне превратилась в задворки Российской державы. Милые такие задворки, с великолепным климатом, чудесными видами, но, к сожалению, настолько однообразные, что сюда ехали на отдых разве что престарелые пары, уставшие от суеты.

Анита Моррьентес, урожденная испанка, которую после эмиграции в Россию величали Анной Сергеевной, и Алекс, он же Алексей Петрович Максимов, вовсе не были престарелой парой. Аните недавно исполнилось тридцать, Алексу — немногим больше. И нечего было бы им делать в городе стариков, если б не затейливая прихоть судьбы. Они путешествовали по Европе, но поездка не задалась: Аниту преследовали болезни, она перенесла сперва холеру, потом двустороннюю пневмонию. Во многом это заставило маленькую семью свернуть с намеченного маршрута и угнездиться в северном пригороде Констанцы, в курортном поселке, где, по заверениям местных докторов, соленый воздух, целебные грязи и живительное вино всячески способствовали восстановлению организма.

Русских, равно как и румын, в Констанце проживало крайне мало. Подавляющее большинство населения составляли греки и татары, переселившиеся из Крыма. Найти с ними общий язык оказалось не так просто: одни не понимали ни единого наречия, кроме родного, а другие в силу нелюдимости отмалчивались.

В середине сентября, когда стояла изумительная погода — с нежарким солнцем и легкими бризами, — в город прибыл отставной генерал от инфантерии Юрий Антонович Ольшанский с супругой Натальей Гавриловной. Строго говоря, их нельзя было причислить к законченным старикам: пятидесятилетний генерал смотрелся молодо, а его дражайшая половина хоть и слегка располнела с возрастом, но старалась следить за внешностью, подбирала наряды новомодных фасонов, делала на ночь маски из капустных листьев и ежедневно меняла прически — словом, не производила впечатления старухи, доживающей свой век.

Максимовы встретились с Ольшанскими волей случая. На центральной площади давал представление заезжий акробат Жан Родригес Мюллер (так значилось на афише), толпились зрители, среди которых Максимов углядел дородную чету в окружении многочисленной прислуги. По столь солидному эскорту угадать соотечественников можно было без труда. Вывод подкреплялся прочими немаловажными аргументами: веер с изображением Крем-

ля в руке у барыни, исконно-посконные сарафаны у вившихся вокруг нее дворовых девок и крики «Вот шельмец! Ишь чего вытворяет!», которые генерал, захваченный кульбитами Мюллера, исторгал из луженой глотки.

Анита наклонилась к уху Алекса и негромко спросила:

— Пойдем познакомимся?

Максимов поморщился.

— Тоска зеленая... Этот индюк будет до бесконечности болтать о своих подвигах, а его матрона начнет расписывать, какое у них потрясающее имение под Рязанью и какие бесподобные георгины она выращивает в палисаднике. Тебе этого хочется?

Анита отдавала себе отчет в том, что Алекс, скорее всего, прав, но уж очень тянуло ее посудачить с общительными людьми, пусть даже о георгинах и взятии Эрзерума.

Максимов с неохотой пошел на поводу у жены, приблизился к генеральскому семейству и коротко, без экивоков, представил себя и Аниту. Провинциальные порядки позволяли обойтись без длительных и никому не нужных церемоний.

Насчет общительности новых знакомцев Анита не ошиблась. Генерал, когда узнал, что Максимов — бывший военный, расцвел в улыбке, принялся панибратски хлопать его по плечу и свистящим шепотом травить скабрзные анекдоты из армейской жизни. А госпожа Ольшанская приобняла Аниту и стала доверительно распространяться... нет, не об имении с палисадником, а о сыне Васеньке, который в свои двадцать два дослужился до поручика, участвовал в Бухарском походе и, по всему виду, сделает головокружительную карьеру, почище папенькиной. Это вызывало у Натальи Гавриловны одновременно гордость и материнскую тревогу.

Ольшанские устроились в Констанце роскошно — сняли в престижном районе, в непосредственной близости от моря, двухэтажный особняк в псевдоэллинистическом стиле, с атлантами и кариатидами. В первый же вечер Аниту и Алекса зазвали на ужин. Отказываться от радушного приглашения было неудобно.

Меню, под стать особняку, состояло из греческих блюд. Смесь запеченных баклажанов со специями, салат из помидоров,

сдобренных размоченными сухарями и брынзой, шашлыки-сувлаки, жареные бараньи ребрышки, пахлава с начинкой из орехов — вот далеко не полный перечень снеди, которой был уставлен стол. Генерал особенно налегал на тушеную требуху ягненка, обернутую кишками, и говорил, что, не попробовав этот деликатес, постичь греческую душу невозможно. Ни Анита, ни Алекс к сомнительному яству не притронулись. Максимов мысленно рассудил, что если б у него возникло желание постичь греческую душу, он бы поехал в Грецию.

Единственным негреческим и даже неевропейским лакомством был экзотического вида фрукт, похожий не то на тыкву, не то на дыню с шипами. Наталья Гавриловна отрекомендовала его как африканский огурец. У него и вкус был соответствующий — огуречный, только с бананово-лимонным оттенком.

— Кухарка моя вчера на рынке купила. Дорогуший! — похвасталась госпожа Ольшанская. — Говорят, из Палестины привезли.

Гости, чтобы не обижать хозяев, попробовали по ломтику, не впечатлились и перешли на более традиционные закуски.

Генерал подливал Максимову ракию, Ани-те — красное вино и рокотал без умолку.

— Вы не представляете, каково это — воевать с кавказцами! Азиатчина! Ты против них с открытым забралом, а они тебе нож в спину...

— Я воевал, — скромно заметил Максимов.

— Господа, господа! — засуетилась Наталья Гавриловна. — Давайте не будем о войне. Юрий Антонович меня и так каждый божий день воспоминаниями потчует, а я потом полночи не сплю, за Васеньку переживаю...

— Как хочешь, — покладисто отозвался генерал. — Вчера газеты писали: в Валахии вспышка оспы. Не ровен час и сюда доберется...

Наталья Гавриловна всплеснула надушенными ладошками.

— Да что ж такое! Неужто ни о чем хорошем не потолковать? Смотрите, какая благодать кругом! Солнце, волны, умиротворение... Разве может в эдаком раю найтись место злу? Истинное царство добра!

— Еще как может, — ядовито буркнул Максимов, опорожнив третью чарку ра-

кии. — Не забывайте, что мы с вами здесь в роли колонизаторов. Нас терпят, но это до поры. Помните недавний бунт в Дунайских княжествах? Это первый звонок. Настанет время — выметут метлой, и поминай как звали.

— Господь с вами! — замахал волосатыми ручищами господин Ольшанский. — За что нас выметать? Мы несем на периферию свет цивилизации, дарим народам достижения прогресса. Они на нас молиться должны!

— А по мне, — снова вступила в полемику Наталья Гавриловна, — народы объединяет не прогресс и тем паче не военная сила, а любовь.

— Это вы Овидия вспомнили? — предположила Анита. Она сидела с бокалом вина и брала по одной оливке из фарфоровой розетки.

— Вы читали? — оживилась госпожа Ольшанская. — Я слышала, у него есть волшебные стихи. Но местами он ужасно неприличен! Именно поэтому его не переводят в России.

— Неприличен? Может быть... Но в меткости высказываний ему не откажешь. Моя

любимая цитата: «Целомудренна та, которой никто не домогался».

Анита произнесла это с невиннейшим видом и опустила глаза к тарелке с остатками помидорно-сухарного салата. Наталья Гавриловна зарделась, метнула взгляд на супруга, который, причмокивая, обгрызал баранье ребрышко, и ни с того ни с сего накричала на девку, подавшую ей полотенце.

Так закончился этот прием. А наутро выяснилось, что зло на сказочном черноморском побережье властвует точно так же, как и везде.

Пробудившись, Максимов ощутил в теле озноб. Решив, что перекупался накануне в море и подхватил легкую простуду, он не отступил от выработанных годами привычек и приказал служанке Веронике подать кувшин холодной воды для умывания, разоблачившись до пояса. Вероника так и застыла, уставясь на его обнаженный торс.

— Что моргаешь, дура? — рассердился он. — Лей!

— Лексей Петрович! — проблеяла Вероника, тыча пальцем в его грудную клетку. — У вас... там...